

Сами вы дауны!

Полина Денисова

0 *mf*

"Са-ми вы да-у-ны! Са-ми вы да-у-ны! Сами!

5

Вы!" — Нора прокричала уже во весь голос, и эта

9

фраза гулким эхом полетела за ними по всем этажам.

13

А внизу хлопнула тяжелая подъездная дверь.

18+

Полина Денисова

Сами вы дауны!

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Денисова П.

Сами вы дауны! / П. Денисова — «ЛитРес: Самиздат», 2018

В роддоме ей настойчиво предлагали отказаться от дочери, родившейся с синдромом Дауна. Но об этом Нора не думала ни секунды. Милка действительно оказалась особенной, и дело было вовсе не в ее болезни. Помимо синдрома Дауна ей был дан абсолютный музыкальный слух, и скрипка в ее пухленьких руках заставляла плакать даже серьезных взрослых людей. А еще у нее было два ангела, два собственных добрых ангела – мама и бабушка, которые распахнули над ней свои крылья с самого первого дня.

Отца Мила видела часто, но интереса к нему не проявляла. Когда приходил, вежливо здоровалась, делая не слишком изящное подобие книксена, и тихонько, бочком, скрывалась в своей «светёлке», как называли ее комнату мама и бабушка. В комнате своей Мила любила все – и бледно-бежевые обои с едва заметными крапинками, которые она называла «дождинками»; и светлую, под бук, мебель; и мягкий, с длинным ворсом ковер. Ковер этот они купили с бабушкой в «Универмаге» и весело везли его на санках по снежным улицам, а потом с трудом тащили по узкой лестнице на их третий этаж. Гуляла Мила не слишком охотно, в свои шестнадцать лет была она тяжеловата, неповоротлива, шумно дышала, поднимаясь по лестнице и, словно старушка, экономила движения. Впрочем, многие молодые люди с таким диагнозом, вели себя так же.

О том, что у нее может родиться ребенок с синдромом Дауна, Нора узнала на пятом месяце. «Потом, все потом. Сначала – ребенок, потом – проблемы», – раз и навсегда сказала она себе, смогла удержать лицо и совсем не стала задавать вопросов угрюмой, хамоватой участковой врачу-гинекологу. Лишь спустя неделю пошла в библиотеку, где воровато пролистала несколько книг по медицине. Было страшно. Но еще страшнее было остаться без ребенка, это к своим тридцати годам Нора знала точно. А потому вопрос, оставлять ли ребенка, для нее не только не стоял, он попросту не существовал.

Отец ребенка, Вениамин Юлианович Ростокский, был человеком занятым. Помимо ответственного поста главного редактора когда-то заводской, а теперь крупнейшей городской газеты, был он обременен несколькими общественными организациями и большой семьей, где одних детей было пять душ. Сам же Вениамин, или Веня, был, несмотря на работу и занятость, человеком довольно слабохарактерным и эмоционально вялым. Дома им умело управляла супруга, на работе он привычно действовал по налаженной еще при заводе схеме. Никаких претензий или притязаний у Норы к Вене не было, да и быть не могло. Матушка Инесса Иосифовна еще во время беременности робко намекнула Норе, что неплохо бы ребенку иметь в перспективе и отца, но дочь резко и навсегда оборвала эти разговоры.

– Ты внуков хочешь или зятя? Определись уже, мама! Или ты уже за алименты переживаешь?

И матушка, поджав губы, тему виртуального пока зятя закрыла. О том, как и когда судьба свела ее реалистку дочь и слабохарактерного мечтателя Венечку, она не знала. Да и не нужно было Инессе Иосифовне это знать, особенно теперь, когда к обыкновенным домашним хлопотам прибавилось огромное дело: ожидание внука. Или внучки. Или сразу обоих. Да хоть десятерых, лишь бы понынчить на старости лет внучат (на этом месте Инесса Иосифовна неизменно доставала из кармашка аккуратного домашнего платья белоснежный платок и промокала повлажневшие глаза). Впрочем, «старость лет» Инессы Иосифовны была весьма условной. К свои почти семидесяти годам она оставалась высокой, под метр семьдесят пять, с прямой спиной, ясными глазами и густой гривой совсем девичьих волос, которые до сих пор, как и в молодости, носила косой вокруг головы. В детстве Нора любила поймать матушку в постели воскресным утром, пока ее не запрятанные в косу волосы свободно лежали на подушке. Она плела покорной, теплой со сна матери, косу простую, косу «колосок», «узбекские косички», и даже косу собственного изобретения – «косу шик модерн». Особенности плетения последней сводились к тому, что из одной толстой постепенно отпачковывалось несколько косичек потоньше, каждая из которых была перехвачена разноцветной веревочкой. «Ну, распетушила мне всю голову!», – деланно возмущалась потом Инесса Иосифовна, выпутывая из волос разноцветные лоскуты, ленточки, кусочки цветной пряжи и канцелярские резинки.

Сама Нора особенно густой косой похвастаться не могла, зато волосы ее, легкие и мягкие, вились приятными локонами и послушно убирались в любую прическу. «В отца! У них вся порода кудрявая!», – любила погладить ее по голове мать. Свою единственную дочь Инесса Иосифовна родила по меркам шестидесятых годов очень поздно – в тридцать пять лет. Это

был настоящий подарок природы, к тому моменту ни Инесса, ни ее муж Георгий Ильич уже ни на что не надеялись. Они были женаты более пятнадцати лет, и невозможность иметь детей была для них уже не столь большой темой, как раньше. Какое-то время Инесса переживала, что Гоша уйдет – найдет себе другую, молодую и здоровую, которая подарит ему большую семью. Она не знала, что именно того же боялся и ее муж. Каждый из них тайно винил в бездетности именно себя. И вдруг, когда огонек надежды, вспыхивающий и разгоравшийся уже множество раз, перестал даже тлеть, Инесса забеременела. Она даже не поморщилась, когда в женской консультации на нее немедленно навесили позорный ярлык «старая первородка» и в положенный срок родила совершенно здоровую девочку. Назвали дочь Норой, любили ее спокойной и мудрой любовью взрослых и умных родителей, старались ребенку не отказывать, но и излишеств не позволяли. Воспитанием и учебой занималась в основном Инесса, в то время как сама Нора души не чаяла в своем папочке. Увы, здоровье Георгия, сильно подорванное войной и ранениями, слабело с каждым годом. Он умер от инфаркта, когда Нора училась в девятом классе.

Она вернулась в тот день позже обычного, репетировали сценку на конкурс самодеятельности, и застала мать, прямо и неподвижно сидящую на стуле, с сухими, но словно бы остановившимися, неживыми глазами. Отчего-то Нора сразу поняла, что случилось страшное. «Что, мамочка? Папа?», – шепотом спросила она. «Нет больше папы, Нора», – все так же, не шелохнувшись, почти не двигая губами, произнесла мать. Она оставалась в этом эмоциональном ступоре и во время похорон, и спустя месяц, и даже год. Мир для Инессы Иосифовны перестал существовать, словно муж ее был обязательным и неперемennым условием существования этого самого мира, и вот теперь, когда не стало его, распалось и все остальное. Нора предприняла немало попыток хоть как-то растормошить мать, но это оказалось невозможным. И лишь три года спустя, когда Нора, уже студентка-второкурсница, подхватила во время сельхозработ двустороннее воспаление легких, Инесса Иосифовна вернулась к жизни. Причем переход этот из полнейшего ступора к настолько же полной эмоциональной деятельности оказался длиной в один час. Увы, именно этот, определяющий час в жизни своей матери Нора умудрилась пропустить.

Когда Нора с огромной температурой едва доплелась до дома, она застала мать в привычной позе, сидящую ровно посередине огромного дивана в гостиной и смотрящую перед собой невидящим взглядом. Нора едва буркнула «Привет, я вернулась из колхоза», рухнула на кровать в своей комнате и провалилась в горячечный сон. Проснувшись, она обнаружила вокруг себя неожиданную суету. Незнакомая медсестра мерила ей давление, в комнате густо пахло лекарствами, а возле стола еще одна дама в белом халате, явно врачаха, вполголоса переговаривалась с... мамой! Нора едва не подскочила от удивления, однако слабость немедленно прибила ее обратно к подушке. Как бы ни было, именно с этого дня Инесса Иосифовна снова стала собой. Она сама, без всяких больниц, справилась с тяжелейшим воспалением легких, сумев привлечь для лечения своих знакомых врачей. Сама ставила капельницы и колола уколы, а когда дочь пошла на поправку, выхлопотала для нее все необходимые для деканата справки. Так, Инесса Иосифовна вернулась к жизни, и в дальнейшем ни она, ни дочь никогда не вспоминали и не обсуждали ее состояние. А вот отца они вспоминали часто, почти каждый день. Вспоминали легко, грустно, но без надрыва. Маленькая Мила любила дедушку Георгия только по фотографиям. Родители же Вени, по понятным причинам, о существовании новенькой внучки, даже не догадывались.

Его матушка Мэри Вильямовна была женщиной кроткой, домашней, навсегда оставшейся в тени своего властного мужа, бывшего военного. Впрочем, Юлиан Никанорович был как раз из той породы военных, которые не бывают «бывшими». До самой старости он оставался осанистым и прямым, а его властный голос не раз заставлял втягивать головы в плечи даже самых нахальных рыночных продавцов. Он рано потерял родителей, которые растаяли у

него на глазах во время голодомора на Украине. Оставшись один, мальчик сначала бродяжничал, потом, едва живой от голода, на товарняках добрался до Астрахани, откуда по Волге на сухогрузе доплыл до Ярославля. Судьба, наконец, оказалась благосклонна к парню, и он, проведя несколько лет в приюте, поступил в военно-пехотное училище. Война застала его восемнадцатилетним, и молоденький лейтенант отправился напрямик на Западный фронт. Первый сын, Марик, родился у майора уже Ростовского сразу после войны. Победу он встретил в смоленском госпитале, а, выписываясь, увез с собой в Ярославль милостивую, тихую медсестру с красивым заморским именем Мэри. В сорок шестом молодой майор с сильно беременной женой въехал в отдельную двухкомнатную квартиру в самом центре города. Увы, своего старшего брата Веня так никогда и не узнал, мальчик родился очень слабеньким и не дожил до своего второго дня рождения. Оглушенная бедой Мэри не могла оправиться от потери несколько лет, и лишь в начале пятидесятых у них появился Веня.

В детстве Венечка, как и его брат, был очень болезненным и отставал в росте, однако отцовская должность в военном комиссариате надежно страховала его от нападков злобной соседской детворы. Военных побаивались и уважали, и к четырнадцати годам венечкины сутулые плечики несколько развернулись, он стал смелее смотреть на девочек. После поездки в Артек, путевку в который он заработал своей отличной учебой и участием в самодеятельности (Венечка почти виртуозно играл на аккордеоне), Веня стал героем школы, а когда в девятом классе он всего за несколько недель научился играть на гитаре, девочки совсем забыли и про венечкину близорукость, и про не слишком широкие плечи. И пусть голос его был негустым и даже несколько гнусавым, а гитарный аккомпанемент сводился скорее к брэнчанию, в десятом классе Вениамин Ростовский, который к тому же неожиданно вымахал под метр восемьдесят, впервые наслаждался своей популярностью. После школы он без труда поступил на исторический факультет Ярославского университета, а к его окончанию в общежитии его ожидала молодая жена Нина, бывшая одногруппница, и дети – близнецы Ника и Вика.

Позднее Ростовский признавался Норе, что на раннее отцовство его толкнуло нежелание идти в армию – несмотря на отца-военного, армейская реальность гуманисту Венечке всегда была не по душе. Через полтора года после близнецов покладистая жена, которой пришлось бросить учебу, подарила любимому мужу богатыря Борю – мальчик родился почти пяти килограммов весом. После студенческой общаги им с огромным трудом удалось получить комнату на подселении, а еще через пару лет отец, к тому времени уже полковник, примерявший погоны генерал-майора, смог по своим каналам помочь многодетному сыну, и семья переехала в отдельную квартиру в центре. К тому моменту Вениамин трудился штатным журналистом в заводской газете. Когда Ника и Вика отправились в первый класс, Нина, так и не сумевшая обуздать свое бурное материнство, уже снова была беременна. Последний, пятый ребенок Ростовских, Илюша, родился еще через год, когда его сестренка Кира уже начала ходить. Нина едва ли была так же хороша, как на первом курсе. Вместо густой косы голову ее венчал теперь жидкий одуванчик уже вошедшей в моду химической завивки. Пушистые когда-то ресницы, сводившие с ума юного Веню, поредели и словно бы обесцветились, и их не могла спасти даже густая (часто слишком густая) тушь. Одевалась Нина неряшливо, хотя никакой денежной нехватки в семье не было, и к тридцати годам, глядя на свою молодую еще жену, главный редактор заводской газеты «Маяк» Вениамин Ростовский пришел к выводу, что никаких чувств, кроме благодарности и привычки, она у него более не вызывает. В это время в газету уже устроилась секретаршей Маечка, милостивая, полненькая хохотушка, и Веня с головой окунулся в мечты. Никакого сюжета с Маечкой, очень быстро сбежавшей в декретный отпуск, а также ни с одной из ее последовательниц, у Вени так и не вышло, он по-прежнему являлся образцовым мужем и отцом, и к сорока годам в нем уже едва ли оставался любовный азарт. Вениамин снова, как и в детстве, ссутулился, глаза надежно спрятались за потолстевшими линзами близоруких очков, вечно мятая шляпа хранила на себе следы жирных

пальцев, а неизменный черный плащ, который он носил круглый год, безжалостно лоснился сзади. Именно таким и встретила его переводчица технической документации Нора на одной из заводских вечеринок в честь грядущего тысяча девятьсот восемьдесят шестого года. Они не сразу заметили друг друга, это едва ли была любовь с первого взгляда, да и не тянул ни один из них на рокового любовника. Но, едва начав ничемную беседу, и Вениамин, и Нора, вдруг почувствовали такой комфорт, что в какой-то момент оба вдруг замолчали и рассмеялись. Никто из них не сомневался, что они встретились надолго, или даже навсегда.

Роман этот нельзя было назвать бурным или страстным, это была связь двух вполне взрослых людей, которые отвели на свою запоздалую любовь ровно столько времени, сколько оставалось после работы, быта, обязательств и прочих составляющих жизни. Ни Нора, ни Веня не теряли сон и аппетит, не устраивали друг другу сцен ревности. Они встречались не чаще раза в неделю, свидания эти всегда начинались в кофейне в центре города и по раз и навсегда написанному сценарию перетекали в квартиру Норы. По пятницам, по заведенному много лет распорядку, Инесса Иосифовна ездила на чай к своей давней подруге Лидии Никитичне, и эти встречи гарантировали Норе с Веней как минимум три часа уединения. Возвращаясь, Инесса Иосифовна заставляла тщательно одетых любовников на кухне за кофе, и лишь наметанный взгляд хозяйки дома выдавал ей истинные причины встреч. Так, по своей детской привычке Нора всегда оставляла свою постель неприбранной, и кому, как не матушке было знать, как именно должно лежать на кровати дочери покрывало, которая она заботливо набрасывала каждое утро. Но ни Нора, ни Вениамин, конечно же, ничего не знали о догадках пожилой женщины.

Вениамин узнал о беременности Норы поздно, когда скрыть ее было уже невозможно. Они встретились в неизменной кофейне, и Нора, снимая плащ (Веня никогда не был джентльменом), поймала его удивленный взгляд, упершийся ей в живот.

– Это... это то, что я думаю? – после паузы спросил Веня.

– Ну, и что же ты, позволь узнать, думаешь? – подхватила шуточный тон Нора.

– А думаю я то, что кто-то попытался скрыть от меня нечто очень и очень важное, я бы даже не побоялся сказать: судьбоносное! – Игривость Вени была явно натянутой, и Нора заметила, как у него начал подрагивать уголок рта, как бывало с ним всегда при сильном волнении. «Смотри-ка, напрягся!», – подумала она про себя, но вслух произнесла:

– Неверно ты все думаешь, Вениамин Юлианович. Никто и ничего не пытался от тебя скрывать, просто я сама еще до конца не верю в то, что действительно беременна. Все кажется, что здесь какая-то ошибка.

– И каков же срок у ошибки? И, если уместно, имеет ли ваш покорный слуга какое-либо, пусть даже самое опосредованное, отношение к этой самой ошибке? – продолжал упражняться в остроумии Венечка, а уголок рта его уже прыгал вовсю. Нора опустила глаза на чашку с кофе. Ей был неприятен этот разговор, она едва ли была склонна к мелодрамам. На свою беременность она смотрела не как на проблему, или вопрос, который требует решения, но как на заслуженный и долгожданный подарок.

– Срок серьезнее некуда, обратный отсчет пошел, – попыталась отшутиться Нора, заговорщически склонившись над столом и прикрыв ладонью рот.

– А все же? Месяцев сколько? – не отставал Веня.

– Послушай, Веня. – Нора попыталась говорить как можно мягче, стараясь при этом не смотреть ему в лицо, чтобы не видеть, как скачет уголок рта. – Давай сразу внесем ясность и больше не будем возвращаться к этому разговору. Мы ведь никогда не обсуждали с тобой даже возможность совместных детей, так? И делать это сейчас поздно и не совсем уместно. Я смотрю на это, как на собственный... – Нора замялась, подбирая нужное слово, и, не найдя его, не очень уверенно закончила, – собственный проект.

– Проект? – Веня попытался изобразить заинтересованность и даже придвинулся и навис над столом. – Проект, значит. Сольный, как я понимаю, проект? Без партнеров?

– Без советников и... без спонсоров, Веня. – Нора подняла на него глаза и, взяв себя в руки, не отвела взгляда до тех пор, пока тот сам не выдержал и не устался в чашку с остывающим кофе. Он замолчал, а Нора с неожиданной новизной принялась разглядывать его.

Она поймала себя на том, что рассматривает Веню с точки зрения антропологии, чего никогда не делала раньше. То есть Нора не раз смотрела и даже оценивающе смотрела на него, но это была другая оценка, скорее социальная. Как женщина, она находила его, пожалуй, не слишком стильным, недостаточно ухоженным, немного немодным. Но она никогда не смотрела на него с точки зрения биологии. И здесь, в кофейне Нора вдруг поняла, что отец ее будущего ребенка довольно красив. С удовлетворением отметила гладкие и ровные кисти рук с длинными пальцами и безупречной формы ногтями. «Откуда у него такие ногти? Он что, маникюр делает?» – подумала про себя Нора. Густые волнистые волосы с легкой сединой живописно падали на плечи, придавая Вене несколько романтический вид мыслителя или художника. Нос его, когда-то казавшийся ей крупноватым, вдруг предстал совсем в другом ракурсе и оказался изящным и даже трепетным. Высокий лоб, прямые брови, яркие глаза, хоть и спрятанные за близоручными линзами, но все еще живые и глубоко карие. И Нора с незнакомым ей ранее удовлетворением пришла к выводу, что биологический отец ее будущего ребенка вполне соответствует ее собственным стандартам красоты. В нем было внешнее благородство, в нем был аристократизм, в нем была порода.

Они так и не сказали в тот день друг другу ничего важного, чего-то, что определило бы их будущую жизнь как жизнь двух родителей одного ребенка. Наверное, в глубине души Нора хотела, чтобы Веня стал настаивать на своих отцовских правах, чтобы он предъявлял, требовал, наконец, ставил ультиматумы. Увы, Вениамин Юлианович принял новое положение вещей послушно и в целом адекватно. Он поступил именно так, как попросила его Нора – не стал вмешиваться. Был ли он черствым? Наверное, но тайны женской психики никогда особенно не интересовали эмоционально ленивого Веню. Он всегда следовал однажды выученным правилам: никогда не спорить с женщинами, никогда не стараться их понять и никогда не стараться быть понятым ими. Это работало.

Беременность в целом не причиняла Норе особых хлопот, вот только внешне она заметно подурнела. Лицо ее, и раньше не слишком изящно очерченное, расплылось так, что по утрам она с ужасом не находила линии губ, которые плавно перетекали в лицо. Зато под обоими глазами отчетливо проявились пигментные кляксы, словно два острова с замысловатой и четко очерченной береговой линией. По вечерам Нора усердно выжигала их всевозможными кислотами – лимоном и отбеливающими кремами – но каждое утро острова снова были на своих местах. Живот, тем не менее, был довольно аккуратным, и только к концу восьмого месяца Нора разглядела на обоих боках перламутровые проблески растяжек. По вечерам, после работы она с удовольствием вытягивала слегка отекавшие ноги на диване и с блаженной благодарностью позволяла матушке сделать себе массаж.

В положенный срок она подписала в заводууправлении все необходимые для декретного отпуска бумаги и под разноголосый шепот коллег с облегчением и радостью освободила свой рабочий стол от личных вещей. Оставшееся до родов время Нора посвятила убранству новой детской. Кабинет отца, который так и остался нетронутым, было единогласно решено переделывать в детскую. Решение, которое было принято матерью и дочкой жарко и быстро, сильно поколебалось, когда пришло время собственно уборки кабинета. Комната будто застыла во времени и выглядела так, словно отец просто вышел и вот-вот вернется, нацепит на нос любимые очки и снова углубится в чтение. Когда в назначенный день Инесса Иосифовна и Нора решительно зашли в кабинет с твердым намерением крушить и строить, они тут же оробели,

решимость испарилась моментально, и обе тихо присели на кожаный диван. Куда девать все эти папины вещи? Как быть с книгами, с бумагами, со всеми предметами, которые все вместе и каждый в отдельности являлись не только памятью, но неким образом Георгия Ильича? Первой опомнилась Инесса Иосифовна.

– Жить нужно не для мертвых, – тихо, но твердо сказала она не то дочери, не то самой себе. – Жить нужно для живых.

И с этими словами мягко, но категорично начала собирать бумаги, живописно разбросанные по столу, в стопку. К вечеру они увязали и разложили по коробкам не поместившиеся в стенку в гостиной книги. Коробку с личными вещами, которую увенчали три пары дальнозорких очков, задвинули на антресоли. Громоздкий письменный стол переехал в комнату Норы, а ее стол, легкий и современный, уже приготовился отправиться во вновь открытую детскую. А вот с диваном и старомодным книжным шкафом пришлось расстаться, места им не нашлось нигде, и на следующее утро три молчаливых грузчика из комиссионного магазина увезли их на новеньком японском грузовичке. Через пару недель Нора с матерью, уставшие, но довольные, придирчиво осмотрели плод своих трудов. После ремонта комната получилась немного строгой, но просторной и светлой. Матери и дочери, было стыдно, что они так старательно стерли из этого полутемного прежде кабинета какие бы то ни было следы его прежнего хозяина, но ни та, ни другая не произнесли этого вслух. Обеих очень скоро, уже совсем скоро ждала новая жизнь, и Нора с Инессой Иосифовной готовились к ней с нетерпением.

Свидания с Вениамином поначалу было расстроились, однако спустя несколько недель он, словно ни в чем не бывало, позвонил Норе, и она, слегка удивленная, все же сумела подыгрывать ему и сделать вид, что тоже не заметила разлуки. В кофейне он старательно неразборчиво буркнул про внезапную командировку, она так же невнятно кивнула. После обязательного кофе с пирожными они, как и раньше, отправились к Норе, и это снова была пятница, и Инесса Иосифовна снова пила долгий чай у своей подружки. Близость, которой совсем не опасалась Нора, в отличие от едва не дрожавшего Вени, оказалась такой же, как и раньше. Позже, уже на кухне, Нора подумала про себя, с чего это отец пятерых детей вдруг начинает трястись от страха при виде беременного живота. Вслух она этого, разумеется, не сказала.

Еженедельные походы в женскую консультацию вскоре прекратились, беременность подошла к своей финальной стадии, и Нора со всеми необходимыми медицинскими бумагами на руках отправилась домой, ждать. Это были длинные дни, целиком посвященные самосозерцанию, точнее, внутреннему созерцанию. Она ловила каждый толчок маленького тела внутри себя, каждые полчаса становилась боком перед зеркалом, чтобы не прокараулить момент, когда «живот опустится». Увы, упрямый, тугой и очень круглый, тот все не желал опускаться и оставался даже слишком высоким, как казалось Норе. Она одергивала себя, пытаясь вести себя не как неразумная девчонка, но как вполне зрелая матрона, однако нетерпение и ожидание уже переваливали через край. Матушка старалась не слишком загружать дочь собой, представляя той самой выбирать время и продолжительность общения. За приоткрытой дверью своей спальни, под тихий бубнеж канала «Культура» Инесса Иосифовна старательно вывязывала крючком ажурные детские пинетки, забавные, без пальчиков маленькие варежки и такие же крошечные, словно для кукол, шапочки. Связанное она благоговейно раскладывала по прозрачным пакетам, и все не могла налюбоваться на растущую гору нарядных упаковок на специально освобожденной полке в своем шкафу. Впрочем, официально ничего детского в дом не приносили – несмотря на то, что ни Нора, ни матушка не страдали суевериями, они безо всяких дискуссий приняли это единогласно. Так, было условлено, что *все* будет куплено, пока Нора лежит в роддоме. Это *все* включало в себя и детскую коляску, и даже кровать, а потому комната, получившая название детской, больше походила на некий полуфабрикат. Зато уборка в детской стала теперь ежедневной и обязательной процедурой, святым долгом Инессы Иосифовны, которым она не пренебрегла ни единого разу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.